

ДАН БЕРГ

ЖИЗНЬ В РАЮ

Интродукция

В настоящей повести представлены отдельные фрагменты жизни в раю. Важно заметить, что высоко ценимые на земле атрибуты материальных благ на небесах понимаются сами собой и не являются объектами вождления. Обитатели рая вкусно едят и сладко спят, не знают тревог и болезней, дышат чистым воздухом и пьют прозрачную воду и так далее, и так далее. Однако, главное, что отличает рай от земной юдоли – это абсолютное преобладание идеального над материальным. Вечная работа духа – вот наслаждение рая.

В чем состояла роль автора настоящей повести? Всего лишь в том, чтобы литературно обработать дошедшие до него записки бывшего раввина Гершеля – еще свежие, не пожелтевшие от времени, сложенные пополам листы. В конце последнего листа крылом ангела Михаэля, старшего над раем, было добавлено пожелание не держать под спудом содержание записок.

Автор не исключает возможность скепсиса в отношении реальности описанных событий. Нигилистам предлагается признать то бесспорное обстоятельство, что достоверность рассказа всегда несомненна. Простая эта истина подтверждается твердым литературным правилом презумпции правдивости. Другими словами, любая история является правдивой, покуда не доказано противоположное.

Достоин сочувствия книгочей, который примется за поиски несуржиц и станет трудиться над опровержениями. Ведь святые сочинения, послужившие отправным пунктом записок Гершеля, верны безусловно вследствие святости своего происхождения. Когда фундамент здания надежен, то и стены его – то есть наша история – не хуже!

Всяк, одолевший настоящую повесть и нацеленный на будущее пребывание в раю, попав на небеса, сможет легко встретиться с персонажами и из первых уст услышать подтверждение истинности рассказа. Более того, если в предварительной беседе с ангелом Михаэлем кандидат сообщит старшему над раем, что потратил несколько часов на прочтение сей повести, то это признание послужит ему доброй рекомендацией.

Новое начало

1

Раби Гершель сидит на пригорке в тени грушевого дерева. Озирается по сторонам и видит чудный сад вокруг, а за садом, зеленеет луг, а за ним, кажется, лес, а дальше что? “Придет время, и все узнаю!” - размышляет Гершель.

Раби прав – время придет. Не раньше, так позже, но обязательно придет. Сколько его впереди, времени? Раби улыбнулся – должно быть, подумал об этом. Приятно, что не надо спешить. Торопливость жизни осталась позади. Впереди новый отсчет, новое начало.

Тайну смерти людям не дано открыть. Смерть полагают величайшим злом, а не есть ли она великое добро? Вокруг нас она помрачает мир, гасит светила и светильники и воцаряет тьму. Но в сердце она привносит свет и тепло и открывает новые дали, живым неведомые.

Чтобы стать бессмертным – нужно умереть. Раби Гершель умер позавчера. Теперь он займет уготованное ему место в раю. При жизни Гершель очень надеялся, что путь свой после кончины продолжит на небесах. Все-таки он раввин, честный праведник. Жизнь его была безупречна настолько, насколько она может быть таковой в мире греха, когда тело привержено заповедям, а душа бежит соблазнов.

Правду говоря, надежда очутиться в раю была не единственным чувством раввина в отношении предмета его мечты. В неугомонном сердце надежда уживалась с сомнением в существовании рая. Критичность ума не всегда благо, ибо порой лишает покоя. Сейчас раби благодарит Бога за снисхождение к глупому его недоверию, а себя отчасти порицает. “Я счастливо ошибался и счастливо прощен! – ликует Гершель, - да и велика ли вина моя перед Господом? Ведь сомнения порождены разумом, а его вложил в меня сам Создатель!”

Раби взволнован. Или душа его взволнована? Впрочем, тот, кого он являет сейчас – и есть его душа. Но и привычный облик тела тоже не исчез. В этом он еще разберется.

2

Тем временем раби Гершель встал с пригорка и повернул голову в сторону ворот, которые он недавно миновал. Величественное сооружение из темно-красного порфира напомнило ему восторг первых минут в раю.

Только вчера шестикрылый ангел принес его, легкого, как перо, к железной решетке, закрывающей пространство меж мощных каменных столбов. Над воротами кружились ангелы. Лица их были бесконечно приветны, радушны и милы. “Воистину ангельские лица!” – подумал Гершель. Некоторые из хранителей небесной благодати вдохновенно пели, другие извлекали нежные звуки из серебряных флейт. “Не узки ли ворота, пройду ли сквозь них? – встревожился Гершель и устыдился тотчас, - у входа в рай пора забыть суетность бытия!”

Стихли музыка и пение. Появился ангел Михаэль. Он назначен Богом старшим над раем. Встречать вновь прибывающих есть одна из его почетных обязанностей. Михаэль сердечно улыбнулся неопиту, взял его руки в свои и произнес: “С прибытием, тебя, Гершель! Отныне здесь, в раю, будет твой вечный дом!” Ласковый прием растрогал Гершеля. “Меня взяли на небеса без вступительных испытаний. Не зря жизнь прожита в праведности!” – мелькнула в голове новичка гордая мысль.

Михаэль повел Гершеля за собой. Раби легко миновал порфиновые ворота, недостаточная ширина которых вызывала у него опасения. “Для начала глубоко вдохни и взгляни вокруг!” – коротко воскликнул Михаэль. Повинуясь, Гершель набрал полную грудь воздуха и ощутил сладкий, пьянящий, неведомый ему доселе аромат – благоухание райского сада. Он посмотрел окрест и перевел полный восхищения взгляд на провожатого.

“Перед тобой, Гершель, четыре реки, - пояснил Михаэль, - первая течет молоком, вторая течет медом, третья течет вином, и четвертая – душистым маслом дерева афармон!” Конечно, из книг бывший раввин знал о райских реках, но роскошная палитра природы не чета серым листам фолиантов. “Вот здесь, под сенью этого навеса, сидя на этом резном стуле, ты будешь учить Тору. Бесконечная мудрость ее заполнит вечную твою жизнь!” – изрек старший над раем. “Вечная мудрость ее заполнит бесконечную мою жизнь!” – подумал в ответ раби.

“Вручаю тебе, Гершель, достойное сего места одеяние. Вдобавок получи маленькую золотую корону. По ободу ее вправлены драгоценные камушки, искусно ограненные. Венцом этим станешь украшать чело в часы учения. Тора у нас не в книгах, а в свитках – черные буквы на тонком пергаменте. Два ангела-помощника будут держать пред тобой свиток за рукоятки валиков. А сейчас возьми эти ветки мирта и погуляй по саду. Узри воочию известное тебе: дерево жизни и дерево знания. Ступай, Гершель, бесчисленно будем видеться впредь!” – сказал Михаэль и удалился.

Раби обратил внимание, что ангел назвал корону маленькой, а камни – камушками. “Стало быть, есть атрибуты большего размера. Разнообразие или неравенство?” – родился вопрос в беспокойной голове.

Ангел Михаэль рассказывает

1

В первые дни, а то и годы на новом месте, воспоминания не отступают. Думы раби Гершеля не являли собою исключения. Он вспоминал себя юным знатоком Торы, приехавшим из Вильно в украинский город Божин и осевшим там. Один из учеников знаменитого виленского мудреца, он был отчаянным хасидоборцем. “Деяния легкомысленных хасидов есть профанация утонченной веры!” – с твердым упорством повторял Гершель. Однако, характер тверд у истинно мягких людей. И герой наш таков.

Знания и радение доставили пришельцу высокий пост раввина. Хасидоборец Гершель воспитывал прихожан в духе непримиримости к хасидскому энтузиазму невежественных

божинских цадигов, которые тоже не сидели набрав в рот воды, а отвечали войной на войну. Оружием в боях были злое перо и острый язык. Доспехи эти телесных ран не причиняли, но однажды случилась беда.

Цадик Айзик, человек богатый, не чета Гершелю, и вовсе не невежественный, как впоследствии неохотно признал раввин, старался казаться простоватым, дабы сплотить вокруг себя побольше недружных с книгой бедняков. Цадик пришел к раввину заключать мир, а Гершель высокомерничал и отправил гостя ни с чем. Так был сделан шаг к несчастью.

Когда умер великий виленский хасидоборец, возрадовались питомцы Айзика, мол, конец придет утеснениям, и устроили по сему случаю пир. Молодые ученики Гершеля не стерпели обиду и явились на несправедный хасидский праздник, и не перья и языки, а кулаки да палки искали правду. Пролилась кровь. Равно горевали раввин и цадик, и оба корили себя: “Вот, не уняли страстей!”

А еще вспоминает Гершель, как занемог. Айзик навещал его, жалел. В последние дни свои перед кончиной, лежа на смертном одре, раввин глядел туманными глазами на жену и детей, а за ними маячила седая борода Айзика. “А ведь он жив!” – привычно позавидовал Гершель. Раввин и на земле ревновал Айзика к успехам его: богат, всегда весел, сотни хасидов любят своего цадика... Потом исчезло все. А когда вновь свет засиял – так то была заря в раю. “Стыдись, ревнивец, не забывай, что пребываешь на небесах!” – строго одернул себя Гершель.

Усовестившись, Гершель подумал, как хорошо бы вновь встретиться с Айзиком. Да ведь это вполне возможно! Наверняка Айзик заслужил рай – как нескупой богач, как сеятель простой веры среди людей низкого звания, как праведник, наконец! “Однако, мое нетерпение встретиться с ним есть желание его скорейшей смерти! Это ли не грех? – ошарашенно подумал Гершель, - впрочем, это среди живых принято желать долгих лет жизни, а по существу – продолжения борьбы и мук. Пожелание смерти праведнику в раю трактуется как благословение, а не как проклятие, ибо, желая смерти, я желаю добра и награды!”

2

Ни один жилецрая не обделен ангельским вниманием, то есть вниманием ангелов. Конечно, существует иерархия среди этих небесных созданий, однако, и самые сановные из них не важничают. Они не пренебрегают даже легким трепетом в сердце праведника, в котором тот несет свою вечную награду. Так наказал им Всевышний.

Не удивительно поэтому, что главный распорядительрая ангел Михаэль вновь явился к Гершелю и поведал ему поучительную историю.

“Бог наш бесконечно ценил праотца Авраама, - начал свой рассказ Михаэль, а Гершель весь обратился в слух, - и вот однажды призвал меня Господь и приказал спуститься на землю к Аврааму, взять его на небеса и показать ему сверху, чем живет земля. И еще велел мне выполнять любое пожелание авраамова.”

“Я спустился с неба на огненной колеснице херувимов, приземлился возле жилища Авраама – а он тогда еще был жив – и вместе с ним мы поднялись высоко-высоко и стали созерцать деяния людские.”

“И видит Авраам, как в чистом поле, вдали от жилья и от зорких честных глаз, сошлись чужие друг другу мужчина и женщина. И не случайно встретились, а с греховным умыслом в душе. Узрел праотец несправедное совокупление: женщина – мужняя жена, а мужчина – примерный семьянин во мнении людском. Авраам стыдливо отвел взгляд и воспытал гневом.”

“Покарай их огнем небесным!” – потребовал Авраам. “Я взял в совок горящие угли и швырнул вниз на грешные головы. Кричали и корчились в жарком пламени прелюбодеи, и бушевал огонь, пока не обратились тела в кучу пепла.”

“Колесница наша мчалась дальше. Вот заметил Авраам, что некий злоумышленник подобрался к стоящему на краю деревни дому зажиточного крестьянина и делает подкоп. Негодяй замыслил украсть трудом нажитое добро и, воспользовавшись отсутствием хозяина, пленить молодую его жену.”

“Да не восторжествует лихо! Пусть стая свирепых львов разорвет злоумышленника, а усердные шакалы обглодают остатки мяса к костей его!” – горячо воскликнул Авраам. “Я подумал, что и одного голодного волка довольно. Не прошло и минуты, и из ближайшего леса высунулась серая морда, и зверь с готовностью помчался исполнять нашу с Авраамом волю. Что не осилил сам, зажал в зубах и унес в нору волчице и волчатам.”

“Мчимся мы дальше и дальше. Вдруг увидел Авраам лесную поляну, костер в середине горит и дымит, а вокруг огня собралась лихая ватага разбойников – настоящие злодеи. Мечами и ножами вооружены. Рассуждают, как станут подстергать на дороге путников конных и пеших. Кто при деньгах – того грабить и убивать. А у кого пустой кошелек – того убивать без корысти.”

“Страшно вознегодовал праотец. “Несть числа мерзостям в мире, лишь сверху глядя сознаешь сие! Не должны негодяи эти попирать грудь бедной земли моей, пусть она поглотит их в чрево свое!” – вскричал рассерженный вконец Авраам. И с последним словом его разверзлась земля и вновь сомкнулась, и исчезли в темной бездне недостойные жить разбойники.”

“Тут услышал я повеление Бога доставить Авраама ко входу в рай и ад и исполнил приказ. Авраам увидал двое ворот – одни широкие, другие узкие. “Я жив, Михаэль, и слава Всевышнему! Но неизбежно пробьет мой час, и тогда вновь окажусь на судьбоносном этом месте. Я не могу и помыслить, что не рай станет сенью моей вечности. Но ведь я велик ростом и широк в плечах, и пройдет ли в ворота крупное мое тело?” – забеспокоился праотец. “Бестелесна праведность, и узость ворот не помеха для награды за нее!” – сказал я Аврааму.”

“Михаэль, верни Авраама на землю, - услышал я новое повеление Господа, - он слишком строг к грешникам, и нет в нем жалости – надежды покаяния. Я сужу людей милосерднее. Жизнь сего праведника еще не окончена, он пообреет!”

“Колесница моя опустилась у дома Авраама. Он был мрачен. Смертные, пока живы, не могут слышать речь Всевышнего, но, как видно, Авраам по тени, пробежавшей по лику моему, угадал неодобрение Господа. Праотец схватил меня за руки и воскликнул: “Михаэль! Я погорячился. Давай вместе попросим у Бога, чтобы он вернул к жизни погубленных нами прелюбодеев, воров и убийц. А потом я стану молиться за их исправление!” И просьба наша была услышана, и люди спасены.”

Рассказавши эту историю, ангел Михаэль потрепал Гершеля по плечу, сердечно распрощался с ним и удалился. Разумеется, ангельские намеки бывший раввин отлично понял. Иносказания оберегают и вразумляют. “Видно, он знает о моей былой несправедливости к Айзику, да и сомнения мои в ширине райских ворот не новость для него, - размышлял Гершель, - выходит, в раю нет тайн! Как жить на вершине гласности? Впрочем, я ведь и не живу. Или все-таки живу? Я не выбирал рай – рай выбрал меня. Экую чепуху, однако, ты несешь, дружок, - сказал сам себе Гершель, - угомонись и прекращай думать! Ум твой – враг твой!”

Вещи и идеи

1

Может показаться, что дни в раю текут медленно и однообразно: ведь главное и почти единственное занятие жителей небес – учение Торы. Однако, проникновение в мудрость Творца увлекательно и целиком захватывает воображение усердного праведника. Одержимость не в нашей власти, а увлечение редко сменяется меланхолией. Лишь досужий зубаскал станет настаивать на монотонности райского времени. Он либо никогда не бывал на небесах, либо ум его ограничен и неспособен, либо нечестивостью закрыл себе виды на рай и завидует.

С раннего утра и до позднего вечера, с короткими и досадными перерывами на трапезы, Гершель среди прочих достойных знатоков Торы занят учением. Праведники располагаются на стульях под сенью навесов.

О стульях следует сказать особо. Они не равны один другому. От рода праведности, коей заслужил человек пришествие в рай, зависит и род предназначенного ему сиденья. Скажем, стулья окованные серебром служат героям народа Израиля. Украшенные хрусталем скамьи со спинками подходят простым и честным людям, которым не пришлось в земной жизни много корпеть над Талмудом. На грубо сколоченных лавках сидят те, кто очутился в благостном этом месте за чужие заслуги. Таков Терах, родитель праотца Авраама. Праведность сына открыла путь в рай грешному батюшке. Отец ел кислый виноград, а сын вкушал от сладкой грозди. И у обоих сахарно во рту, и нет оскомины на зубах. Стул Гершеля резной, в подлокотники вправлены жемчужины. Этот род мебели предназначен для знатоков торы, жизнь которых была горька, как плоды оливковых деревьев, из стволов которых изготовлены их стулья.

Что касается райских благ, то они, во-первых, не зарабатываются, а распределяются. Это Гершелю очень понятно, ибо райский труд представляет собой учение Торы и поэтому является наслаждением. Еще при жизни раввин усвоил, что ни учением, ни наслаждением благ не заработать.

Во-вторых, распределение благ между обитателями рая отнюдь не равномерно. Критерии многообразны, и Гершелю еще предстоит их понять. Подобная неравномерность хотя и знакома Гершелю на примере потустороннего мира живых, однако он разочаровался неизбывностью неравенства. Разумеется, речь идет о благах духовных – о почете, скажем. Материальные же блага не есть райский атрибут, ибо они не согласуются с сутью небес.

В-третьих, по утверждению Михаэля, отсутствие равенства в распределении райских благ не порождает зависти, чуждой атмосфере рая.

В бытность раввином Гершель читал в книгах, что по субботам сам Господь Бог нисходит к праведникам в рай и разъясняет им особенно трудные для понимания фрагменты своего учения. В прошлой жизни Гершель не сомневался в возможности такого чуда, ибо с материнским молоком впитал трепетное отношение к книжному слову. Сейчас он уж не новичок на небесах, и хотя не удостоился пока внимать гласу и зреть лик Всевышнего, но хранит уверенность в сердце. Сомнения приходят после веры.

Гершель осознал, что простанство рая не просто огромно, оно неизмеримо, другим словом бесконечно. Оно и не может быть конечным, ибо созданное Богом время не имеет конца, а, значит, и человечество, населяющее это время и вечно обновляющееся в нем – тоже бесконечно. При этом никакое падение нравов на земле, вроде приумножения числа просвещенцев, хасидов или, не про нас с вами будь сказано, вероотступников не может отменить волю людей к праведности, а, значит, не пересохнет ручеек прибывающих в рай новобранцев. Но для размещения праведников на небесах требуется все новое и новое место, поэтому простанство рая не должно быть ограничено. Уразумев причинную связь бесконечности простанства с бесконечностью времени, Гершель восхитился изощренностью вселенской мудрости творения.

“Если необъятно место, и несть числа ищущих мудрости, - подумал Гершель, - то как же Бог по субботам станет беседовать с нами со всеми? Очередность неизбежна!” Последнее предположение показалось Гершелю логичным и умиротворило его беспокойную натуру.

Гершель уже имел случаи оценить величественность построек. Всего в раю семь домов для жилья. Гершель видел один из них, расположенный вблизи порфиновых ворот рая. Он имеет в длину двенадцать тысяч миль, и ширина его двенадцать тысяч миль. Никого не удивляют гигантские размеры здания. Стены украшены золотом и серебром, балки изготовлены из крепчайшего ливанского кедра, а крыша сверкает алмазами. В этом доме проживают праотцы Авраам, Ицхак и Яков. С ними поселились почти все древние цари Иудеи и Израиля. Там же обретаются герои, вышедшие на свободу из египетского рабства и скитавшиеся в пустыне. Старшие над этой храминой – Моше и Арон.

Гершель пока не удостоился встретить кого-либо из обитателей дома, и сердце его замирает от сладкой и тревожной мысли, что когда-нибудь такая встреча случится. “Вот великая награда рая – узреть, а то и словом обмолвиться со столпами человечества и лучшими из лучших избранных Господа!” – не раз говорил он себе.

Однако, вот какая дума беспокоила Гершеля. Необычайным, неземным, невероятным казался ему контакт с творениями древних времен. Даже изощренное воображение талмудиста не помогало преодолеть косные представления о невозвратности времени и конечности человеческой жизни. Посюстороннее бытие в раю раздвигало ограниченный горизонт земных понятий. Поэтому Гершель брал на веру новые идеи и старался представить себе будущую встречу с великанами духа ушедших эпох.

Жизнь в раю – жизнь навсегда. Значит, по прошествии лет и веков Гершелю неизбежно видеться с праведниками, которым еще предстоит умереть, да что там умереть, им еще и родиться предстоит! Как Гершель будет выглядеть в глазах новых поколений? Время таких героев, как Авраам или Моше, минуло.

“Не было места подвигу в моей жизни, - самокритично думал Гершель, - что значительное я свершил в сером благочестии моем? Воевал с хасидами да просвещенцами? Довольно ли этого для гордости? Впрочем, если наступят на земле благостные времена, и совсем не станет греха, то откуда у новичков возьмутся победы, и чем они хвастаться станут? Однако, злорадствовать дурно, особенно в раю. Да и зря я о будущем пекусь и из эгоизма добрых перемен желаю: ведь неискоренима мерзость!” – утешился Гершель.

2

Воспоминания о былом претерпевают метаморфозы – одни воспоминания увядают, другие расцветают. Устремления, в прошлом явные, постепенно погружаются в тень забвения, зато устремления тайные выходят из мрака к свету памяти. Они обретают величину несоразмерную их былому значению и щедро питают когда раскаяние, когда надежду.

Вот пример метаморфозы. Город Божин воочию видел, как раввин Гершель воевал с огрубителем чистой веры цадиком Айзиком. Но только Гершелю была ведома его зависть к успешному конкуренту. Первое раввин почти забыл, второе все сильнее тревожит его совесть.

Возьмем другой пример. На глазах у всех образцово счастливо текла благообразная семейная жизнь Гершеля. Обладательница мягчайшего характера, образованная и домовитая супруга раввина неусыпно заботилась о муже и родила ему прекрасных умных детишек, здоровья им и процветания! В Божине Гершель высоко ценил зрелое благополучие дома своего и почти забыл короткую влюбленность юности, а здесь, в раю, все чаще одолевали его романтические воспоминания.

В Вильно по соседству с бедным домом отца Гершеля жила такая же бедная семья. Младшая дочка, прекрасная Малка, взбаломошная, резвая, остроглазая, озорная – ничем не схожая с мальчиком Гершелем, покорила его юное сердце. Недолго знались Гершель и Малка. Их разлучил Божин. Потом рассказали раввину, что зазноба его умерла в молодости. “Смерть обща всякому возрасту. Ах, кабы Малка была в раю, будет удача и встречу ее здесь!” – говорил себе Гершель. Он все меньше думал о супруге и отпрысках, и все больше вспоминал Малку.

Пусть не впадет в ошибку читатель сей правдивой истории, будто бывший божинский раввин Гершель, очутившись в раю, лишь то и делал, что горевал о своих заблуждениях зрелости или,

что хуже того, лелеял память об авантюрных приключениях отрочества, разумея под этим увлечение юной Малкой. Нет, Гершель посвящал свое время изучению Торы. Но разве Святое Писание не есть наука и искусство жизни? Разве не возбуждает оно думы и воспоминания о себе самом? Автор полагает, что в этом пункте рассказа поступает правильно, облачаясь в мантию адвоката своего героя.

Перемены у Айзика

1

Айзик, бывший цадик в украинском городе Божин, при жизни сплотил вокруг себя изрядное количество хасидов. Цадик никогда не умирает весь – в том понимании, что, уходя в мир иной, он оставляет верным адептам духовность своих деяний и слов, заключенных в материальную оболочку, коей служит тело наследника, а именно – сына цадика. Такой вид престолонаследия – это не реликт авторитарности, а единственно правильный путь сохранения свершений духа, ибо достоверные данные веры подтверждают факт передачи праведности и мудрости через семя цадика.

Что мы знаем об Айзике? Как и положено хасиду, он слыл человеком жизнелюбивым и неунывающим. Он не был замечен в грехе зависти, что, впрочем, неудивительно, если принять во внимание его богатство, удачливость в начинаниях, красноречие, умение завоевывать людские сердца, талмудическую эрудицию и, наконец, мужскую красоту – свойство, которое по праву занимает последнее место в перечне достоинств хасида-праведника.

Как полагали верные ученики Айзика, их наставник вне всякого сомнения превосходил своего извечного антагониста раввина Гершеля. Тот, по мнению божинских хасидов, был косноязычен, завистлив, почти нищ, замкнут, подозрителен, тщедушен, и имел лишь один перевес: раввин глубже знал Тору. Хотя Айзик и признавал это, тем не менее на его весах чаша собственных достоинств располагалась внизу. Надо ли говорить, что весы Гершеля являли обратную картину?

Итак, цадик Айзик и раввин Гершель, как и положено хасиду и хасидоборцу, занимали противоположные полюса еврейской общины Божина. Их можно было называть противниками, но, Боже сохрани, никак не врагами: ведь свой своему никогда не враг, хотя и не обязательно друг.

Противники редко бывают справедливы один к другому. История противостояния этих мужей знала продолжительные времена ожесточенной борьбы перьев и языков, но ей были знакомы периоды замирения перед лицом общей опасности.

2

Цадик на десять лет пережил раввина. Когда Гершель лежал на смертном одре, Айзик навещал его – пусть мысль о доброте станет утешением покидающему мир.

Великий жизнелюб, Айзик был тайным маловеером в том, что касалось жизни после смерти. Но духовному пастырю некому посетовать на сомнения, и мед надежды не подсластит горькую полынь неизбежности. Усомниться – значит утратить силу. Почувствовав приближение неминуемого, цадик впал в меланхолию. Разлилась по телу черная желчь, и подступили неисцелимые хвори. И кто знает, что есть причина, а что следствие: предчувствие, меланхолия, недуги? Тяжело, очень тяжело уходил Айзик. И не стоял Гершель над его изголовьем, и не утешился умирающий сочувствием соратника.

Но только угас последний луч заката жизни, и тут же понял цадик, как заблуждался в своих сомнениях. Взору его предстало страшного вида двухголовое чудовище. Одна голова в форме змеи, другая – занесенный меч. Покрытое чешуей тело изгибалось в корчах и источало смрад. “Кто ты?” – строго спросил умерший. “Я – Смерть, я пришла за тобой, Айзик!” Покойный посмотрел на чудовище взглядом полным ужаса и торжества продолжающегося бытия. “Нет! Убирайся! Я праведник, не такую смерть я заслужил!” – возразил умелый в преговорах цадик. Гостя смутилась. “Возможно, ты и прав, Айзик. Я посоветуюсь на небесах. Я скоро!” – прошипела Смерть змеиной головой, опустила меч и исчезла.

Цадик ликовал. “Пусть я умер, однако, жизнь моя продолжается!” Тут вернулась Смерть. Молодая, нарядная, черты лица единственной головы благородны и приветливы, одежда нежно благоухает. “Ты узнаешь меня, Айзик? На слепящую красу, что на смерть, – не взглянуть в упор. А я соединенье их. Я снова за тобой пришла! Готов ты следовать за мной?” Цадик дал согласие. Тут же слетел с небес шестикрылый ангел, подхватил невесомое тело, и вот уж новоприбывший оказался у тех же самых порфиновых ворот, где десять лет назад впервые очутился Гершель.

Небесные будни

1

Итак, Айзик находится возле узких порфиновых ворот, открывающих и преграждающих вход в рай. А рядом, как известно, ширится и высится грандиозный портал, за которым виднеется путь в ад. Ангел Михаэль, хранитель рая, встретил Айзика достойно, но дипломатически сдержанно. Не потрепал дружелюбно по плечу, не осветил свой лик ангельской улыбкой.

Отчего приход Айзика на небеса не был отмечен знаками безусловной любви, щедро излившейся на Гершеля? Причин холодности по отношению к вновь прибывшему праведнику было три.

Во-первых, Высший небесный совет ангелов был скептически настроен к идеям хасидизма, как, возможно, мессианским. Истинный Мессия, потомок дома царя Давида, пребывает в одном из самых почетных мест рая. С ним соседствует пророк Эльяу, он кладет к себе на грудь голову Спасителя и говорит: “Помолчим, ибо время твоего пришествия на землю уже близко!” Цадики, порой, грешили склонностью к самозванству, мысля себя Спасителями. Поскольку лжемессия есть худший враг избранного народа, то и неудивительно осторожное отношение небес к хасидскому цадику.

Во-вторых, Айзик слыл богачом. Надо сказать, что люди, достигшие материального богатства в мирской жизни и на этом основании обретшие на земле почет и чистоту репутации, на небе не встречали отношения, созвучного земному. Высший суд требовал проверки источников преуспевания. К тому же укоренен на небесах дух равенства, справедливости и предпочтения слабого сильному.

И в-третьих, купавшийся в море обожания своих многочисленных адептов, Айзик никак не мог рассчитывать на подобный культ в небесной обители. Почести опасны без исключения всем. Поклонение слишком напоминало обожествление, которое никак не соотнобразуется с первой заповедью, начертанной на Скрижалях Завета. Никто, Боже сохрани, не утверждал, что Айзик узурпатор, однако не повредит бдительность в отношении к праведнику-цадику.

2

Таким образом, место будущего пребывания Айзика на небесах не являлось самоочевидным, как это было в случае с раввином Гершелем. Иными словами, выбор между двумя альтернативами – раем и адом – подлежал коллегиальному рассмотрению с последующим вынесением вердикта Высшим судом небесной справедливости.

Пока суд да дело, решено было показать Айзику ад и рай. Михаэль призвал сотоварища Габриэля, и, поразмыслив, ангелы почли за благо сперва продемонстрировать Айзику муки ада, дабы в случае благоприятного решения суда укрепилось в бывшем цадике чувство вечной благодарности небесам, спасшим его от страшной судьбы. Затем пусть Айзик увидит жизнь в раю, чтобы горечь потери прибавилась к мукам ада, если вердикт окажется неутешительным.

Габриэль взял Айзика за руку и повел к старшему над адом ангелу Насаргиэлю. Несловоохотливый Насаргиэль без лишних разговоров открыл перед Айзиком врата ада. Взмахом руки хозяин укротил встречный столб огня. Айзик обливался потом от невыносимого жара. Устрашенный увиденными им жуткими картинами, он на мгновение зажмурил глаза.

На железных крюках раскачивались грешники. Одни были подвешены за уши, другие за язык, третьи за глаза, четвертые за руки, пятые за ноги. Не менее безобразное зрелище представляли собой подвешенные за груди или за волосы женщины. Скорпионы облепляли тела мучеников и без усталости жалили несчастные жертвы. Другие грешники поили своею кровью алчных черных пиявок, во множестве присосавшихся к ним. Мрачнолицие ангелы ада неутомимо били подопечных раскаленными железными цепями и прутьями. Сквозь оглушительные крики, вопли и плач изредка прорывался шепот раскаяния.

Потрясенный Айзик утратил дар речи. Он молча поднял глаза на Насаргиэля, и тот кратко ответил на его немые вопросы: “За уши подвешены те, кто подслушивал, за язык – злословившие, за глаза – кто на мужних жен засматривался, за руки – не чистые на руку, за ноги – синагогу стороной обходившие. А женщины наказаны за то, что чрезмерно возвышали грудь и не скрывали волосы, искушая праведников.”

Суровая среда не убила гуманные чувства в сердце старшего над адом ангела Насаргиэля. Увидев побледневшее лицо спутника, он не повел его в другие отделения ада, где худшие

грешники принимали более тяжкие муки. Насаргиэль подал Айзику стакан горячей воды, добавив в него горстку снега (холодной воды в аду нет), вывел его обратно к воротам и сдал на руки Габриэлю.

Ангел Габриэль кратко ознакомил Айзика с прелестью рая. Бывший цадик вдохнул сладчайший аромат райских деревьев и рек, насладился легкой прохладой нежного ветерка, увидел главные приметы знаменитого сада, о которых столько читал в книгах, - дерево жизни и дерево познания.

Габриэль и Айзик взошли на вершину пологого холма, и перед ними открылась уходящая за горизонт долина. Насколько хватало глаз, видны были изготовленные из кожи левиафана навесы, а под ними в тени сидели на высоких стульях праведники. Над каждым из них парили два ангела, державшие в руках свитки торы – один разматывал свой валик, другой сматывал свой. Они трудились сообразуясь с быстротою, с которою постоялец рая постигал премудрость.

Лелеющему надежду не обойтись без доброй сказки. Поскольку статус Айзика пока не определился, и ему оставалось только надеяться, Габриэль подумал, что гость утешится зрелищем, близким по духу хасидским преданиям, и повел его на четвертое небо показать ежедневно совершаемый солнцем путь.

В восточной стороне неба находятся ворота, из которых владычица дня ежедневно выходит утром, чтобы светить и греть. Тысяча ангелов сопровождают светило. Они следуют впереди колесницы, везущей сияющее солнце. В колесницу запряжены необычайные создания, похожие на гигантских двенадцатикрылых птиц со львиными головами. Еще тысяча ангелов, сменяя друг друга, поперебой несут солнцу огонь, и оно вбирает его в себя и неустанно шлет лучи света и тепла на землю. В сопровождении ангелов светило движется к западным воротам четвертого неба и скрывается за ними до утра.

Пока солнце с помощниками трудятся над согреванием и освещением земли, сонмы наделенных музыкальным даром ангелов извлекают чарующие звуки из скрипок, арф и флейт. Под аккомпанемент чудной музыки другие не менее одаренные ангелы неустанно поют гимны, славящие Творца.

Айзик не мог удержаться от восхищения и захлопал в ладоши, как счастливый ребенок. Картины, которые хасиды рисовали в своих славных сказках, что рассказывали за огромным гостеприимным столом в доме Айзика, оказались совершенной реальностью!

Тяжкий путь

Габриэль воздержался от продолжения экскурсии по небесам. Ведь судьба Айзика еще не определена, и не следует слишком возбуждать его чувства. Ангел вернул новобранца к порфиловым воротам, надеясь, что вердикт Высшего суда небесной справедливости уже вынесен. Увы, дело оказалось слишком сложным для быстрого ответа.

“Вот летит вестник из Высшего суда, наверное он несет решение твоей судьбы!” – произнес Габриэль, обращаясь к Айзику. Посланец подлетел вплотную к Габриэлю, отозвал его в сторону, и стал шептать ему на ухо, оглядываясь на трепещущего новичка. “Благие намерения не испугают плохих манер!” – проворчал Айзик.

Опыт земной жизни научил бывшего цадика: радостную весть сообщают немедленно, без посредников и не секретничая. Ему стало жутко. Холодная волна ужаса затопила все то, что называлось прежде его существом. “Говорят, смерть – разрешение всех тревог. Ложь!” – подумал хасид.

Наконец, вестник обратился к Айзику. Он сказал, что добрые дела хасида равновесны ошибкам, и требуется пристальное изучение его поступков и намерений. Айзик будет оставаться у ворот до окончательного выяснения всех обстоятельств. Продолжительность ожидания непредсказуема и зависит только от времени, потребного для вынесения безусловно верного вердикта. Гонец спросил, нет ли у Айзика в раю ходатаев, могущих дать рекомендации. Айзик потупился и угрюмо молчал. Он был уверен, что Гершель пребывает в раю, но не был уверен в готовности идейного противника помочь ему. Не дождавшись ответа, вестник взмыл ввысь и улетел. Айзик испытывал страх и горечь – чувства, столь малознакомые ему при жизни.

“Нет на свете ничего страшнее вечного счастья! – пытался утешить себя Айзик, - Пусть я пойду в ад, зато как любили меня хасиды! Мне не грозит забвение. Кто умер, но не забыт – тот бессмертен!”- не унимался жизнелюб.

“Неужели на небесах возможна кривда?” – задался трагическим вопросом бывший хасид. В земной жизни он знал два рода несправедливости. Той, что в его пользу, он не избегал, а от той, что против него – уклонялся. Несправедливость по отношению к другим порицал безоговорочно. И вот безрадостный итог чистых воззрений и безупречной практики: небесный суд не удовлетворен, сомневается, медлит. “Небось, Гершеля, бирюка и хасидоборца нелюдимого, не терзали, как меня! Выходит, популярность среди смертных и любовь их не слишком высоко ценятся на небесах!” – сокрушался бедняга.

2

Мучительно долго томился Айзик в неизвестности. Наконец, вновь показался вестник. Лицо его сияло. Он сразу и напрямую обратился к изнуренному ожиданием. “Ликуй, Айзик: тебе назначен рай! Благодарю Гершеля, заступника твоего!” – воскликнул посланец небесного суда и тут же очутился в объятиях ошарашенного адресата. Слезы радости катились из глаз цадика, в сердце своем он благодарил того, кого несправедливо осуждал.

Пока для Айзика готовилась одежда, корона и прочие атрибуты принадлежности к счастливому племени, ангелы Михаэль и Габриэль рассказали ему две истории “со значением”.

“Тебе, дорогой Айзик, безусловно знаком из книг печальный факт грехопадения и последующего изгнания из рая Адама и Хавы, - начал Михаэль, - я же намерен открыть тебе

некоторые менее известные детали, очевидцем коих мне довелось быть. Я всего лишь хочу, чтобы не повторялись старые и не изобретались новые ошибки.”

“Запрет на вкушение плодов дерева познания был не единственным в ту древнюю пору. В раю возбранялось употреблять в пищу мясо, недопустимым являлось и совокупление. Не счити последнее ограниченнее излишним, ибо даже не отведавшие запретного плода, но подстрекаемые зудом похоти, могли потерять голову. Этот пример не прилагай к себе буквально, но усмотри остерегающее иносказание. Мораль состоит в том, что не все дозволено в раю!”

“Изгонять из рая Адама и Хаву поручили ангелам, среди которых был и я. По просьбе Адама мы в последний раз прогулялись с ним по райскому саду. Богом отверженный, он сердцем понял, что не только вечное счастье утратил, но и исключительность свою не сберег. Он будет как все, которые будут. Какое нестерпимое страдание сознавать, что раскаяние не спасет! Обезумев от горя, Адам умолял ангелов оставить его в раю. Мы, плача вместе с первым человеком, напомнили ему, что лишь исполняем волю Господа.”

“Так случилось, что час выдворения из рая пришелся на канун субботы. И дабы не убавлять от ее святости, милостивый Бог перенес исполнение наказания на исход благодного дня. Я рассказал тебе это, дорогой Айзик, желая показать, как нестерпимо тяжела утрата рая, и даже Божья милость может всего лишь отсрочить ее!” – закончил Михаэль.

Понятливый Айзик был несколько обижен чрезмерной очевидностью морали. “На небесах, как и на земле, хасидов считают бестолковыми и разъясняют простые вещи, словно ученикам хедера!” – подумал Айзик. Впрочем, великая радость не замечает неприятных мелочей. Тут подступил со своими речами ангел Габриэль.

“Послушай мой рассказ, Айзик, - начал Габриэль, - он короток, но поучителен. Тебе, разумеется, известно, что Авраам послал раба своего Элиезера выбрать невесту для сына Ицхака. И Элиезер избрал Ривку, и повез ее в дом Авраама. Мы знаем из книг, что на обратном пути случилось досадное происшествие: Ривка упала с верблюда и от этого падения утратила девственность.”

“Ицхак заподозрил Элиезера, будто тот в дороге взял Ривку силой. Всевышний, для которого не существует тайн ни в помыслах ни в деяниях человеческих, велел мне разъяснить ревнивцу его неправоту. Я спустился с неба на землю к Ицхаку и в продолжительной беседе, кажется, убедил его в неосновательности подозрений.”

“Бог не оставил это дело без последствий. Терпевшему несправедливую ревность Элиезеру Господь возместил избавлением от смерти, взяв его в рай живым. Ицхака же Бог наказал, лишив этой счастливой доли, и тот пришел в рай лишь после кончины. Теперь ты видишь, Айзик, каковы последствия напрасных подозрений!” - закончил свой рассказ ангел Габриэль.

Айзик подумал о добром сердце Гершеля, а себя упрекнул. Бывший цадик поблагодарил Михаэля и Габриэля за полезные сведения, и в сопровождении ангелов миновал порфиновые ворота и вступил в рай.

Встреча

1

Нет ничего удивительного в том, что Айзик поселился по соседству с Гершелем. И стулья, на которых бывшие раввин и цадик будут сидеть под навесом левиафановой кожи и учить Тору, не волей случая оказались рядом. Случайность не в ладах с рассудком и порядком. Это старший над раем свел вместе Гершеля и Айзика и поступил так вовсе не потому, что они земляки из Божина: мол, пусть и в раю останутся соседями. Дело в другом. Рай – это не Божин (тем более, Божин – не рай!), и Михаэль видит задачу небес широко, не только как вечную награду за праведность. Рай призван выпрямлять кривое и хранить обретенное. Ненасильное примирение соединяет сердца. Сойдясь вместе, бывшие неприятели полюбят друг друга и привязанность сохранят навсегда.

Что объединяло раввина и цадика, пока были живы? Соперничество, вражда, распри да общие беды, недругами иудейства чинимые. Они ведь и по одной улице никогда не хаживали, и молились в разных синагогах. Не то здесь, в раю. Тут совершенно иные виды открыты. Высоко вознесшись, далеко смотрит око.

Узревши друг друга, Гершель и Айзик обрадовались несказанно, но чувства свои выразили каждый сообразно его темпераменту. Ветеран благожелательно улыбнулся и протянул ладонь для рукопожатия. Новичок с ликующим приветственным криком бросился навстречу новой неминуемой дружбе. Объятия, похлопывания по плечам и спинам, внимательно-настороженные взгляды, комплименты.

Айзик удивился: почему Гершель не задавал вопросов о городе и о семье? “Наверное, райская жизнь стирает память о родном и о родных, – подумал Айзик, - если так, то и меня это ждет!”

- Как приняли тебя у нас на небесах? – спросил Гершель.
- Тяжкий путь. Твоя помощь решила дело, - ответил Айзик и благодарно пожал руку товарищу.
- Тебя познакомили с раем?
- Сперва ангел Насаргиэль показал мне ад, потом ангел Габриэль дал мне взглянуть на рай.
- В чью пользу сравнение?
- Тебе легко шутить, а я такого насмотрелся...
- Ты видел самые первые учреждения Господа!
- Габриэль сказал, что Бог создал рай и ад за две тысячи лет до сотворения земли.
- Я знал это из книг.
- Однако, рай и ад долго ожидали первых праведников и грешников!
- Будем учиться, и удивляться, и не удивляться, и постигать! – философично заметил Гершель.
- Габриэль показал мне четыре реки рая: Прат, Пишон, Гихон и Хидекель.
- Михаэль назвал другие четыре: реки текущие медом, молоком, вином и маслом афарсмон.
- Разберемся! Будем учиться и постигать! – подмигнул Айзик.
- Да, учиться! Сам Всевышний разъясняет праведникам и ангелам трудные вещи в Торе.
- Неужели? Я изумлен! Гершель, ты удостоился видеть Бога?
- О, нет, Айзик! Лишь после тысячи лет пребывания в раю можно претендовать на такую честь!

- Тысяча лет - это много или мало? Быстро или медленно течет время в раю?
- Мы в сладком плену многоликой Торы, и вечная новизна ее ускоряет наше время.
- Значит, я скоро забуду жуткое зрелище ада – не могу оправиться от него!
- Я не бывал там, но я воображаю эти муки.
- Не так муки страшны, как беспросветье душит!
- Что ты разумеешь, Айзик?
- Судьба моя на волоске висела. Попади я в ад – и не учить мне Торы. Вот мука!
- Пророк Эльяу помогает небезнадежным заблудшим овцам.
- Как помогает?
- В канун субботы Эльяу переселяет грешников из ада в целящий воздух рая.
- А дальше?
- Они стараются очиститься. На исходе субботы Эльяу возвращает их в ад.
- А дальше?
- Эльяу оставляет в раю осознавших и искупивших.
- А дальше?
- Они учат Тору рядом с праведниками, согласными на соседство с ними.
- Тебе почти такой сосед достался! – грустно сказал Айзик.
- Ах, не надо! Ты полноправный и законный обитатель рая! – возразил Гершель, обняв друга.

2

Ангел Михаэль оказался прав в своем прогнозе. Гершель и Айзик сошлись замечательно. За несколько десятков лет, проведенных вместе в раю, недружелюбие и подозрительность исчезли, разногласия сгладились, а взгляды на бытие и на небытие сблизились. Однако, линии их воззрений не стали строго параллельными, и пересечения кое-где сохранились, что одобрялось Михаэлем.

Старший над раем отдавал предпочтение непритязательному разномыслию пред абсолютным единомыслием. Он опирался в своих суждениях на фундаментальные принципы творения. Возводя мир, Бог всякой вещи создавал ее противоположность: рай и ад, праведник и грешник, знание и невежество, и так далее до бесконечности. Поэтому, по мнению Михаэля, разномыслие хорошо согласуется с идеей творения.

Стоит отметить, что Михаэлю свойственно было некоторое вольнодумство. Он полагал, что за последние четыре-пять тысяч лет небесная администрация несколько охладела к сложному диалектическому методу правления и порой уступала соблазну упрощенчества. Власти, разумеется, не выставляли напоказ свою новую непохвальную склонность, равно, как и Михаэль по-ангельски терпеливо и благоразумно не спорил и не жаловался.

Неистошимая многоликость изучаемого праведниками предмета отражала глобальную идею сосуществования противоположных вещей. Поэтому единообразие в раю было неизбежным спутником тамошнего многообразия. Обитатели рая пребывали сотни и тысячи лет в абсолютно благодетельной, но в то же время замкнутой и беспроблемной среде. В этом состояла причина самоустремления личностей к единообразию.

Бессмертие небесных счастливых создало неизвестную на земле ситуацию сохранения облика. Пока человек жив, он меняется, и в старости лицо его – какое заслужил. Но лик обитателя рая остается неизменным. Если разница в земном возрасте в двадцать-тридцать лет весьма ощутима во внешности человека, то разница в тысячу лет в раю незаметна вовсе. Факт сей хоть и приятен, но чреват скукой.

По прошествии нескольких тысячелетий с начала заселения рая, ангел Габриэль обратил внимание на появление признаков хандры у некоторых жителей небес. Его встревожило это обстоятельство. Капля меланхолии в сердце есть капля ада, то бишь капля яда. Он обсудил свои наблюдения с ангелом Михаэлем, и оба решили доложить о них Богу. Заработав похвалу Всевышнего за наблюдательность, ангелы получили задание от Него: изобрести нечто такое, что добавит свежести ощущениям. Со своей стороны Бог обещал поддержку чудесами, если таковые потребуются.

И вот что придумали Михаэль и Габриэль. Праведников, на лицах которых обозначились следы меланхолии, следует возвращать на короткий срок к острым переживаниям былого. Это изобретение получило название “День, как вся жизнь”. В течение одного дня ипохондрик насладится радостями детства, вкусит сладость молодости, переживет хлопоты зрелости, и, наконец, отведаст горечь старости и смерти. Последнее, по мнению авторов плана, особенно важно для создания благоприятного контраста по возвращении праведника в райское настоящее. После доработки всех деталей ангелы представят проект на суд Господа.

3

Итак, Айзик и Гершель почти забыли с годами о своем хасидском и хасидоборческом прошлом и целиком отдались учению. Пробуждались ото сна с первыми лучами дневного светила и принимались сообща вникать в премудрости Писания, самые волнующие места которого обсуждали меж собой или с другими близкими по духу товарищами. Вместе трапезничали, поглощая райскую пищу и утоляя жажду райскими напитками.

В часы досуга толковали о небесных событиях. Как-то раз, утомленный после напряженного дня Айзик сказал Гершелю: “Я слышал, однажды Бог устроил состязание между Адамом и дьяволом – кто больше знает названий обитающих в раю животных. Адам победил в этом соперничестве, но Господь подсказывал ему!” Гершель по своему обыкновению заметил: “Я читал об этом.”

В другой раз Гершель сообщил товарищу еще одну подробность из жизни Адама: “Когда Бог изгнал первого человека из рая, некий жалостливый ангел научил отверженного кузнечному ремеслу и снабдил его необходимыми инструментами. Покинув рай, Адам поселился на горе Мория. Ненужные на небесах трудовые навыки помогли ему и его семье на земле.” Айзику это было известно из книг, но он воскликнул: “Какой интересный факт!”

Малка

1

Пока жив был, Гершель казался себе человеком практическим и в тоже время не лишенным романтических устремлений сердца. Как реалист, он не без оснований мнил себя, закаленного праведника, обитателем рая после смерти. Как романтик, он мечтал встретить на небесах зазную юности – очаровательную Малку. У раввина не было и тени сомнения, что безвременно умершая на заре молодости Малка, чистое и невинное существо, девица не знавшая мужа и не ожесточенная борьбою с соблазнами, также, как и Гершель, окажется в раю.

Из предыдущего изложения читатель уже знает, что пребывание в раю в определенной мере нивелирует личности его обитателей. Сердечные порывы несколько ослабевают и отчасти уступают место жажде знаний. Однако, перемены эти не абсолютны, они есть, но действуют “в определенной мере”, “несколько” и “отчасти”. В первые три-четыре века жизни на небесах внутренние свойства характера сохраняются, хотя среда безальтернативного счастья притупляет их.

В свете этих фактов понятно, что, очутившись на небесах и погрузившись в учение Торы, наслаждаясь райской сладостью этого творчества и пользуясь возможностью обсуждения идей с другом, Гершель ни на год не переставал думать о прекрасной Малке. Он мечтал встретить ее и боялся встречи. Роковая разница в возрасте! Когда-то они были ровесниками, а сейчас... Малка и прежде не знала о его любви, что сказать ей, коли увидит ее? Однако, любовь возвышает дух, а он одухотворяет тело! Да, чтобы любить, нужна живая плоть и горячая кровь. Но разве прикажешь сердцу?

Как найти Малку? Ведь не станешь же спрашивать у ангелов, где размещаются праведницы! Из книг Гершель знал о существовании рая для женщин. Но как мало об этом написано! Короткие, скудные строки. Прежде он не задумывался о причинах такого положения. Теперь оно привлекло его внимание и казалось несправедливым. “Кто осчастливил нас Святыми Книгами, кроме тех, что даны Богом? – размышлял Гершель, - их сочинили мужчины! В каком мире мы жили, пока жили? В каком мире мы обитаем сейчас, после смерти? На том ли свете, на этом ли – главенствуют усы и бороды! Однако, не разумеется само собой мужчин господство!”

“Так вот где зарыта собака псевдомудрости, да простится мне сия неприличность! – вскричал про себя Гершель и тут же испугался, что мысль эта может быть истолкована неверно, как ставящая под сомнение мудрость книг, - нет, я не то хотел подумать, - оправдывался перед собой Гершель, - я имел в виду лишь недостаток внимания к женщине в раю. Ведь не зря же Господь сотворил женщину для мужчины. Она в помощь ему дана. И на небесах ей пристало пребывать в той же почетной сущности.”

“Людей обоих полов рождается поровну, стало быть, и умирает поровну. Однако, как и где живут мужчины на небесах – мы знаем хорошо, но слишком мало нам известно о женщинах. Боже сохрани меня покуситься на непреложность догмата скромности! Как и в синагоге, так и в раю пребывание мужчин и женщин должно быть неукоснительно раздельным, и это правило,

слава Богу, соблюдается. Но не держать в тайне от мужчин местопребывание женщин в раю, – разве в этом есть ущерб целомудрию? Надо обсудить с Айзиком и с Михаэлем.”

2

Рай слухами полнится. Раз услышал Гершель разговор коллег-праведников, мол в такой-то день, в такой-то час, на такой-то аллее райского сада будут прогуливаться жилицы женского рая. Случившийся поблизости ангел с неодобрением отнесся к странному направлению беседы и попутно заметил, что правильно говорить не “женский рай” и не “мужской рай”, а “рай для женщин” и “рай для мужчин”, ибо неточность формулировки чревата нежелательным трактованием. Педант Гершель мысленно признал правоту ангела, но главным для него было сведение о прогулке. “Возможно, - подумал Гершель, - это регулярный моцион, надо присмотреться. Вдруг встречу Малку!”

Гершель установил наблюдение, и вскоре упорство и терпение были вознаграждены. Среди женской публики он узнал знакомую фигуру, разглядел милые черты: Малка! Она отстала от подруг, и это облегчило задачу искателя приключений (если в раю допустимо такое выражение!). Он нагнал ее. Как представиться ей, как начать разговор? Они оба из Вильно. А Вильно – это Европа, а не заскорузлый украинский Божин. Требуются хорошие манеры, чтобы расположить к себе женщину, не испугать, не показаться грубияном. Память о правилах этикета выручила. Гершель умело подошел, назвал себя, напомнил о юности.

Увы! Малка долго не могла узнать виленского соседа. Она не ведала о чувствах юного Гершеля – ведь он был слишком робок! Однако, услышав запоздалое признание, приняла его благосклонно. Хотя в одобрении ее сквозил справедливый упрек: где ты был раньше, воздыхатель? Ведь молодость не вернешь! С женским практицизмом она обратила его внимание на бесперспективность ситуации. Гершель рассказал Малке о плане ангелов Михаэля и Габриэля “День, как вся жизнь”. Это пришлось к месту и добавило теплоты. Малке пора было догонять товарок, да и Гершель заторопился. Главное, первая встреча состоялась!

Гершель вновь разыскал Малку. Беседа текала вяло, и неудовлетворенность его росла. И уж не Малка, а сам он был тому причиной. Он мечтал ее встретить, а встретив, не ощутил воскрешения романтических порывов. “Ах, она осталась молодой, а я уж стар... Что рай творит с нашими годами, что наши годы творят с сердцами!” – сокрушался Гершель. И подумал он, что правильно будет приобщить к этим встречам Айзика – быстрый ум и острое слово бывшего хасида непременно оживят разговор.

Первая феминистка

1

Итак, Гершель задумал приобщить Айзика к встречам с Малкой. Товарищ его боек, за словом в карман не лезет, и разговор оживится. Так он представил дело себе самому, и в том же лестном для Айзика духе предложил ему стать участником бесед. Малка подумала сперва, что земляк знакомит ее с новым человеком в надежде занять позицию положительного антипода. Гибкий

женский ум не удовлетворился единственной версией и придумал еще одну: Гершель утратил интерес к ней и хочет изящно освободиться от бремени. Такое допущение огорчило Малку.

Было бы ошибкой полагать, что женщина способна выдвинуть только две альтернативы, но Малка этим удовлетворилась. Доброе ее сердце шепнуло ей: “Эти милые старички родились и умерли мужчинами и не виноваты в этом. В мужских головах даже рай не заместит бессмыслие невнятных надежд на прочность здравого смысла. Не будь строга, дева, к слабым от природы – ведь их половина человечества!” И Малка согласилась встречаться вместе с Гершелем и его другом, подумав гордо, что ей вполне есть что сказать обоим, а ее собеседникам – чему внимать.

Айзик отнесся к идее Гершеля легко и естественно. Он не утрудил себя тонкими вопросами и не искал глубокомысленных ответов. Он был рад перспективе новизны.

2

Малка сообщила своим слушателям, что проживает в том отделе рая для женщин, который расположен на пятом небе. Это весьма важный отдел. В нем поселились Сара, Ривка, Рахель, Лея. Несколько раз она удостоилась видеть мельком великих женщин, сыгравших столь важную роль в истории иудейского народа.

Разумеется, Малка не находилась в непосредственном соседстве с праматерями: ведь и в раю для женщин, как и в раю для мужчин, существует разделение сфер обитания по критериям праведности и заслуг перед Богом. “Моя праведность в чистоте помыслов, мои заслуги перед Богом не считались великими на земле, но весьма ценимы в раю. Я умерла, не успев познать мужа, и душа моя была свободна от похоти. Посему меня определили в столь почетное отделение рая!” Девушка сказала это мужчинам без всякого смущения, и Гершель с Айзиком пришли к мысли, что стыдливость тяготеет скорее к пороку, нежели к добродетели.

“Нашим отделом управляет Авигаиль, самая красивая из жен царя Давида, - сообщила Малка, - мы все любим ее и сочувствуем ей.” Мужчины переглянулись. “Отчего же прекрасная Авигаиль нуждается в сочувствии?” – спросил Айзик. Глаза Малки подернулись грустью. “Авигаиль говорит, что возлюбленный муж ее обитает неподалеку. В небесном Храме на непрестанных пирах он играет на лютне и поет сочиненные им псалмы во славу Бога. Ангелы подают вино самое старое и самое лучшее, выдержанное с дней творения. Слушатели внемлют Давиду, а он бесконечно увлечен благородным и возвышенным своим занятием. Авигаиль гордится мужем, но вот уж несколько тысяч лет, как бывший царь не справляется о жене. И Авигаиль пребывает в печали,” – ответила Малка.

- Ты сочувствуешь бывшей давидой жене? – спросил Айзик.
- Я сочувствую женщине. Иногда негодую, - ответила Малка.
- Негодование? В раю? – изумился Гершель.
- Диктат мужского эгоизма довлеет на этом свете, как на том!
- Чрезвычайно интересная идея! – иронически заметил Айзик.
- Нет ли в этой интересной идее опасного инакомыслия? – забеспокоился Гершель.
- Мужчины предельно благоразумны! – презрительно бросила Малка.
- Должно быть, им есть что терять! – самодовольно ухмыльнулся Айзик.

- Не более, чем женщинам. Откуда взялся рай? Его придумали и описали мужчины!
- Придумали для себя? – не унимался Айзик.
- Хватит! Рай не придуман, но Богом сотворен! – рассердился Гершель.
- Да, я, пожалуй, увлеклась...
- Что тревожит сердце твое? – успокоившись, спросил Гершель землячку.
- Отчего в книгах, мужчинами сочиненных, женщина всегда красива?
- Любовь к прекрасному! – широко улыбнулся Айзик.
- Нет! То не к прекрасному любовь, то фантазии порочные мужские!
- Ты снова увлеклась. Пусть женщины возьмут перо! – примирительно сказал Гершель.
- Великодушие на словах. Мужчины избрали перо для себя, женщин оттеснив!
- Неверно! Свобода выбора – основа нашей веры! – посерьезнел бывший хасид.
- Женщина свободна выбрать занятие раввина или молиться с мужчинами у Западной стены?
- Э-э-э... видишь ли, Малка, э-э-э... – начал было обдумывать вслух свой ответ Айзик.
- Э-э-э... – и это все? У вас свобода выбора, а наш выбор – свобода!
- Цель разделения полов есть спасение от греха! – вернулся к теме Гершель.
- Цель разделения полов есть удаление женщин ради спасения мужчин от греха!
- Малка, есть у тебя товарки родственного направления мысли? – спросил Гершель.
- Не знаю. Я впервые открываю сердце. Мне пора. До свидания.
- До свидания, - сказал Айзик.
- Осторожность не повредит, Малка, - остерег на прощание Гершель.

Малка удалилась. Гершель и Айзик отправились восвояси, рассуждая по дороге.

- Мне понятны ее чувства. Есть крупницы истины, - задумчиво произнес Гершель.
- Она радикалка! – отрезал Айзик.
- Она феминистка.
- Она забавна.
- Она серьезна. Юность хочет перемен.
- Гершель, она умерла, не узнав жизни. Ветер пустыни не несет перемен.

Пора подумать о душе

1

Разговор с Малкой произвел впечатление на обоих друзей. Ни почтенный возраст мужчин, ни внушительный срок пребывания на небесах, ни неизбежное райское нивелирование характеров – ничто не обладает достаточной силой, способной иссушить мужское сердце и оставить его равнодушным к беседе с юной девой.

Склад ума бывшего хасида отличался ортодоксальностью, чтоб не сказать догматичностью. Такая особенность мышления обладает тем достоинством, что крепко удерживает человека на орбите праведности и хорошо боится греха. Поэтому Айзик, обдумывая доводы Малки, искал не конструктивные уступки, но полемические возражения, имея целью опровергнуть неуместный с его точки зрения ни на том ни на этом свете феминизм.

Критический ум виленского уроженца не отвергал с порога новые идеи. Гершель углубился в размышления о правомерности женских притязаний и жалоб. В справедливости он усматривал дух иудейской веры. И если перемены требовало само время, то нельзя было оставаться глухим к его зову. Впрочем, в практических делах природная осторожность уводила Гершеля от риска новаторства к надежности обыкновения. “Осторожно действовать еще важнее, чем разумно рассуждать!” – думал Гершель.

На грядущей встрече с Малкой друзья задумали продолжить обсуждение темы женской судьбы, но в ином ключе. Айзик утверждал, что бунтарский дух девицы проистекает из особенностей ее биографии, точнее из отсутствия в ее женском послужном списке чувственных впечатлений. Между мужчинами было решено, что они просветят Малку в части зарождения новой жизни и превращений человеческой души. Чтобы развить ее ум и отвлечь его от суетной проблемы женского равноправия, они поведают собеседнице описанные в книгах таинства, наверняка ей неизвестные.

2

Прогуливаясь по аллее райского сада, Гершель и Айзик нашли удобный пригорок (скамьи в райском саду не предусмотрены) и расположились на нем в ожидании своей юной приятельницы. Появилась Малка. После церемонно-робких приветствий мужчины указали ей место на расстоянии доступном для слуха и не подвергающим испытанию скромность. Хотя непреклонная скромность, как все непреклонное, в разладе с женской натурой.

“Дорогая Малка, - начал Гершель, - мы с Айзиком тронуты твоим сочувствием к судьбе той половины человечества, к которой принадлежишь ты сама. С просветительной целью мы хотим сообщить тебе некоторые вещи, сказанные нашими мудрецами, благословенны их имена, о зарождении жизни, о мужчине, о женщине и, конечно, о душе.”

“Мы надеемся, Малка, - добавил Айзик, - что новые знания помогут тебе обрести взвешенную и менее радикальную точку зрения на противостояние мужского и женского миров. Возможно, это противостояние покажется тебе мнимым!”

Захваченная столь основательным вступлением, Малка наострила уши и приготовилась внимать мудрым речам.

“Да будет тебе известно, Малка, - сказал Гершель, - что Бог сотворил души всех людей на все времена и сделал это сразу, как только создал душу Адама. Другими словами, души людей, которым еще предстоит родиться, уже существуют. Они хранятся в специальном вместилище душ, расположенном на седьмом небе.”

“Ангел по имени Лайла, верный слуга Господа, - продолжил Айзик, - помогает Всевышнему всякий раз, когда предстоит родиться новому человеку. Вот как это происходит. Допустим, некий муж в некую ночь замыслил совершить соитие со своею супругой. Бог призывает к себе Лайлу и сообщает ему о предстоящем событии. Он велит ангелу доставить ему животворящую каплю семени сего мужа. Когда приказание выполнено, Бог определяет судьбу новичка в мире людей: будет он мужчиной или женщиной, слабым духом или героем, бедным или богатым,

высоким или низким, толстым или худым, почтенным или презренным. Все, кроме одного, наперед решает Бог. Он оставляет на волю человека свободу выбора – быть тому праведником или грешником. Когда завершит Господь труд предрешения, Лайла вернет каплю по назначению.”

“Теперь Бог обращается к ангелу по имени Нэшама, - вновь берет слово Гершель, - Он приказывает ангелу принести из вместилища на седьмом небе душу с таким-то именем. Нэшама немедленно выполняет поручение, и Бог повелевает доставленной душе покинуть рай и войти в каплю. И всякий раз происходит драматическая сцена. Душа падает ниц перед Всевышним и умоляет Его не удалять ее из рая, ведь ей так хорошо вблизи трона Господня, и за что ей выпала злая судьба – раствориться в зловонной капле! И неизменно удается Богу убедить потревоженную душу, что она создана для этой капли, и ее ждет жизнь, а ведь жизнь есть счастье человека. Бог приберегает главный довод на конец утешительной речи – пребывание на земле будет временным, и душа снова вернется на небо!”

“Ангел Михаэль демонстрирует душе наслаждения рая, а ангел Насаргиэль знакомит ее с муками ада, о которых, Малка, ты, вероятно, слышана, - продолжил Айзик, - и откроется душе, где жить будет человек, в теле коего ей пребывать, где умрет он, и где похоронят его. Отправляя душу в непредсказуемый путь, Бог выражает надежду, что она сделает правильный выбор на земле. После этого Нэшама нечувственно проникает в чрево матери, помещает душу в уготованную ей каплю и возвращается на небо.”

“Вот приходит время созревшему плоду покинуть материнское лоно, - говорит Гершель, - и ангел сообщает ему, мол, пора выходить на белый свет. И вновь разыгрывается драма: плод упрямится, не хочет покидать теплое место и вступать в неведомое. И объясняет ангел неразумному, что не по своей воле тот создан, и не по своей воле родится, и умрет не по своей воле, а вершатся дела по желанию Всевышнего. И невозможно прекословить воле Господа, и рождается новый человек, и первым делом раздражается плачем – то горечь утраты надежного и страх обретения неведомого. А когда окончит человек свой жизненный путь, и придет время душе расстаться с телом, вновь приходится ангелу прилагать силу убеждения, а то и принуждения, и повторять лежащему на смертном одре – не по своей воле ты родился, не по своей воле жил, не по своей воле умираешь!”

3

Малка слушала своих просветителей и удивлялась пафосу, с которым они рассказывают банальные вещи, знакомые ученику хедера. “Не иначе, они полагают, - рассуждала она про себя, - что женщина, чей доступ к знанию не одобряется мужчинами, не знает тривиальных фактов. Они шибаются. Не все женщины таковы. Я, например, читаю книги, чтоб познавать мир. Впрочем, не всегда банальное плохо, а порой даже верно.”

Малка усомнилась в том, что рассказ старичков-энтузиастов может смягчить, как выразился Айзик, радикальность ее взгляда на противостояние мужского и женского миров. “Во-первых, они исходили из ошибочного мнения о невежественности женщин. Во-вторых, связь между содержанием рассказа и его целью, как они ее определили для меня, отсутствует или прячется в дебрях мужской логики, что одно и то же.”

Девушке не хотелось обижать своих добровольных учителей, но и перспектива остаться глупенькой в их глазах ей не нравилась. В этом пункте некоторые, возможно, усомнятся в благоразумии ее побуждений, однако, такова уж Малка! Да ведь и сказано было, что даже века пребывания в раю не могут до конца уничтожить природные свойства характера.

Стараясь примирить вежливость с гордыней, Малка изрекла: “Гершель и Айзик, я сердечно благодарю вас за изумительный рассказ. Всегда полезно освежить знания о хорошо знакомых вещах. Добавлю, что из каббалистических книг мне известно развитие старого взгляда на пребывание душ в раю, а именно: мужские и женские души совокупаются, рождая себе подобных.”

Тут раздался голос прекрасной Авигаили. Неизменно печальная жена царя Давида призывала Малку поторопиться и вернуться в родные аллеи. Малка распрощалась с Гершелем и Айзиком и легким девическим шагом последовала за Авигаилью.

Оставшись одни, мужчины озадаченно глядели друг на друга. Гершель был разочарован. Айзик – ничуть!

Поиски ответов

1

Последний разговор с Гершелем и Айзиком показался Малке небезынтересным. В прежней своей короткой жизни она отнюдь не была избалована обществом противоположного пола. Ей польстило внимание двух важных особ – выходцев из окутанного тайной мужского племени. Продолжение встреч сулило ей приятные ощущения превосходства, а если ветер переменится, и мужской ум возьмет перевес, то это тоже по-своему хорошо.

Гершель досадовал. Опыт с просвещением девушки не удался, но не в том беда. Возможно, причина разочарования гнездилась в нем самом. Нынешняя Малка не походила на таившийся в его сердце романтический образ. Он словно пережил потерю. К счастью, разочарование зажигает новый маяк.

Айзик же воодушевился. Приятное общество и нежный женский голос напомнили ему из земной практики, что хасидская праведность не исключает бескорыстных удовольствий.

Лиса меняет шкуру, а не норов, и человеку не одолеть склад характера его. Гершель и Айзик следовали каждой своей природе. Первый устранился от встреч с Малкой и целиком отдался решению сложных проблем райского бытия. Второй несколько ослабил академическое рвение и высвободившиеся часы посвящал приятным беседам с девушкой.

Любитель порядка, Гершель произвел классификацию обитателей рая. Свои изыскания бывший раввин производил на основании читанного прежде и соотносил книжную мудрость с наблюдаемой реальностью. Он сумел распознать три категории обитателей: люди умершие, люди живые и души.

Гершель спросил себя: “Какова моя сущность в настоящий момент?” Он рассуждал так: “Я попал в рай после смерти, значит, я умерший. Но в то же время я мыслю, стало быть, я живой. Далее. В давние времена по особому благоволению небес в рай брали людей до их кончины. Так случилось, скажем, с Элиезером, рабом Авраама. Если я живой, то чем я отличаюсь от тех живых, которые очутились в раю, не умерев? И, наконец, общеизвестно, что душа праведника по смерти его занимает положенное ей место в раю. Выходит, я есть душа? Однако, душа бестелесна, но я, как мне кажется, обладаю телом. Как примирить эти внешне несоединимые факты? Как изобразить логичную картину рая? И по чину ли мой замах?”

Изоשרенный книжник, Гершель знал, что правильно поставленный вопрос есть ключ к решению задачи. Вопрос труднее ответа, но разве вопросительный знак не похож на ключ? Гершель верил в свой талант к безошибочным формулировкам, но справедливо признавал недостаток знаний в части райских реалий. Поэтому он обратился за помощью к старшему над раем ангелу Михаэлю. Выбор советчика был, несомненно, удачным, ибо Гершель знал Михаэля как агела пытливого ума и широких взглядов.

Выслушав Гершеля и выразив восхищение на лице своем, Михаэль тепло обнял собеседника, пожал ему обе руки и окутал ласковым взглядом, каким смотрят на нежданно встретившегося единомышленника. “О, Гершель, - воскликнул Михаэль, - я не имею исчерпывающих ответов на все твои вопросы, ибо орешки эти тверды необычайно. Некоторые вещи я пока только обдумываю, и не только я этим занят. Я открою тебе и результаты, и проблемы. И я надеюсь на твой вклад!” Надо ли говорить, как польщен, как радостно возбужден был Гершель!

“Сперва, дорогой мой Гершель, - начал Михаэль, - я брошу свет на вещи изученные. Ты спрашиваешь, тело или душа, живой или мертвый? Вообрази себе, Гершель, что обитатель рая является некой сущностью, неизвестной на земле. Когда праведник закончит свой земной путь, душа его займет место в раю. Но и тело, которое было предано земле, тоже присутствует в раю. И ты воочию видишь это. Как и миллионы райских жителей, ты являешься симбиозной субстанцией (надеюсь, тебя не смущают подобные выражения!), которую можно назвать “одушевленное тело” или “телесная душа”. Оба названия равноправны. Честь открытия этой субстанции принадлежит нам с Габриэлем.”

“Итак, скончавшийся на земле и попавший в рай праведник есть симбиозная субстанция, имманентным свойством которой является одновременное пребывание в состоянии жизни и вне этого состояния. Кстати, это свойство объясняет вечность райского блаженства и отсутствие смерти. Да, мой любознательный друг – в раю нет смерти!”

Гершель замер в восхищении: безупречная логика, ясность мысли, прозрачность рассуждений! Это те драгоценные качества, которые он исключительно высоко ценил и которыми в известной

мере обладал. Ведь он сам бывал не чужд сочинению комментариев к трудным для понимания главам или абзацам Писания.

3

Обсуждение нерешенных пока загадок Михаэль и Гершель перенесли на другой день . “Твоя классификация, Гершель, включает категорию праведников, пришедших к нам живыми. К ним относятся, например, вернувшиеся к благочестивой жизни сыновья Кораха, пророк Эльяу, раб Элиезер и многие другие. Эти достойные люди, не испытавшие полынный вкус смерти, не могут быть отнесены к симбиозной субстанции “Одушеленное тело-телесная душа”. Согласно нашей статистике, доля таких обитателей в раю составляет сотую часть, и ею мы не имеем право пренебречь. Поэтому мы с Габриэлем признаем неполноту нашего открытия.”

“Одна сотая! – воскликнул Гершель, - и такой ничтожный статистический факт заставляет сомневаться в совершенстве теории? Помнится, в приютившем меня царстве не принято было оставлять статистику на произвол фактов, дабы не наносить ущерба теориям и мнениям!”

“Ах, Гершель! Правота слов твоих увековечилась тамошней преемственностью в искусстве достижения воистину райской статистики. Но мы-то с тобой находимся в раю и посему не позволим себе увязнуть в болоте греха! Признавая приоритет фактов, мы продолжаем работать над развитием теории.”

“Теперь, Гершель, я сообщу тебе о трудной проблеме, над решением которой уже несколько тысяч лет бьется Мессия. Как ты знаешь, он пребывает в почетном месте рая, по соседству с пророком Эльяу. Одна из целей бытия Мессии состоит в воскрешении умерших. Иными словами, покойники оживут и вернуться к земному существованию. Других сторон грядущей деятельности Мессии я не касаюсь. Известно, что с момента творения непреложно действует всемирный закон воздаяния, навечно определяющий для праведника рай, а для грешника – ад. Мессия пребывает в затруднении: как совместить вечность воздаяния с будущим воскрешением?”

“Спаситель советовался со мной и со старшим над адом ангелом Насаргиэлем. Увы, мы не смогли помочь ему. Он тщетно пытался привлечь к решению проблемы далекого своего предка царя Давида. Однако, тот безоглядно поглещен игрой на арфе и пением псалмов. Люди полагают, что Мессия медлит с приходом из-за их греховности. Это верно лишь наполовину, а другая половина истины в том, что Спаситель не может явиться на землю, не прояснив до конца целей и средств.”

“А теперь, друг мой, я обращаю твое внимание на важнейшую вещь. Рай, как ни странно, молод. Ты ведь знаешь, он был создан Всевышним за два тысячелетия до начала творения, коему и шести тысяч лет не исполнилось. Стало быть, рай моложе восьми тысяч лет. А что молодо – то не устоялось. Никто не знает, покажется ли праведникам великим счастьем вечная жизнь и не предпочтут ли они смерть? Вспомним историю города Луз. Ангел смерти не имел доступа в город, и люди там не умирали. Но приедалась жизнь обитателям Луза, и выходили они за городские ворота навстречу своей кончине. Не уподобится ли рай Лузу? Если Господь совершил ошибку, Он непременно исправит ее!”

“Уверен, что рай создан не по ошибке, - заметил Гершель, - ведь Бог предвидел страх людей перед смертью, и сделал шаг навстречу им в милосердии своем, и сотворил рай. Так Господь сумел уберечь человека от глупых суеверных изобретений и при этом соединить вечную жизнь с воздаянием.”

“Браво, Гершель, мне нравится твоя догадка! А сейчас поведаю о нашей с Габриэлем заслуге. Ты находишься в раю уже добрых несколько сотен лет. При этом тебе не приходилось сталкиваться ни с уроженцами древности, ни с новобранными постояльцами. Думаю, мы с коллегой Габриэлем заслужили похвалу, ибо за редким исключением мы не селим вместе праведников из далеко отстоящих друг от друга мест и времен. Выходцы из разных стран и эпох не должны соседствовать, ведь их опыт и воззрения безнадежно разнятся и потому несовместимы. Я знаю, тебя бескоила эта проблема. Расселяя по нашему уставу, мы избегаем ненужного напряжения в идиллической атмосфере рая.”

В приливе благодарности за ценную беседу Гершель обнял и рацеловал Михаэля. Тот тоже расчувствовался. Они уговорились и впредь делиться друг с другом вновь добытым знанием. Потом Гершель удалился к себе, уселся на свой стул и крепко задумался. Им овладели честолюбивые мечты помочь Мессии, а самому войти в историю одним из важных мудрецов.

Эпилог

Время, которое Гершель честолюбиво посвящал отысканию решений труднейших проблем мироздания, его соратник по учению Айзик улеченно и бескорыстно отдавал встречам с Малкой. Забегая вперед, скажем, что холодный ветер бескорыстия остудил пыл увлечения. Это не удивительно, ибо увлечением движет корысть, а в раю она принципиально исключена.

Айзик и Малка не касались скользкой материи феминизма, но и не уклонялись от вечно живой и волнующей темы противостояния мужчины и женщины. Они придумали для себя игру, которую называли “Царица Савская и царь Соломон”. Малка взяла на себя роль царицы Савской, а Айзик воплощал царя Соломона.

К каждой встрече Малка готовила загадку из запасов царицы, а Айзик отгадывал ее не хуже древнего мудреца. Разумеется, оба игрока знали книжную эту премудрость, и, казалось бы, результат игры был предрешен. Однако, Малка преподносила загадки не в каноническом их порядке, и в этом состоял вызов смекалке Айзика. К обоюдному удовольствию он неизменно бывал на высоте.

Игра увлекает и держит, а оторвать от игры – не пустяк. Но как-то раз бдительная Авигаиль обратила внимание ангела Михаэля на участвовавшие встречи наших героев. Старший над раем попросил своего наперсника Гершеля повлиять на друга. При этом Михаэль тонко заметил, что пребывание в раю безусловно, и известны прискорбные случаи изгнания. Между выходцами из Божина состоялся разговор, в результате которого произошло упомянутое выше борение

бескорыстия с увлечением. Айзик сердечно благодарил Гершеля за своевременную помощь
благоразумием.

